

Филологический факультет

На правах рукописи

ЛАПИН Иван Людвигович

ХОСЕ КАРЛОС МАРИА ТЕГИ -
КРИТИК И ЛИТЕРАТУРОВЕД.

Специальность 10.01.05 - литература
стран Западной Европы, Америки и Австралии.

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА · 1974

Работа выполнена на кафедре истории зарубежных литератур филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор Л.Г.Андреев.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук В.Н.Кутейщикова,
кандидат филологических наук Л.А.Ромадина.

Ведущее предприятие - сектор идеологии и культуры Института Латинской Америки Академии наук СССР.

Защита состоится на заседании Ученого Совета филологического факультета МГУ. Адрес: Москва, Ленинские горы, корпус гуманитарных факультетов.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе филологического факультета.

Автореферат разослан " " "

1975г.

Ученый секретарь Совета.

Становление магистрального — реалистического — направления перуанской литературы XIX столетия шло в теснейшей взаимосвязи с освоением прогрессивными силами страны передовых социально-экономических теорий. В горниле жесточайших споров о путях политического, экономического и культурного развития республики постепенно выкристаллизовывались те эстетические принципы, которые послужат основой для последующего художественного осмысления национальной действительности. Эти споры достигли своего высшего накала, наполнились особенно животрепещущим и радикальным содержанием в 20-ые годы, когда в Перу усилилось влияние марксистской идеологии.

Виднейшей фигурой этого десятилетия становится Хосе Карлос Мариатеги /1894—1930/. Один из основоположников революционного, коммунистического движения всей Латинской Америки, он "явился инициатором марксистско-ленинского анализа перуанской действительности..., с самого начала указал на социализм как на единственный путь, способный обеспечить прогресс нашему обществу, подлинное счастье для Перу и его народа".^{I/} Х.К.Мариатеги первым на латиноамериканском континенте применил марксистский метод для исследования литературного процесса, для теоретического обоснования перспектив развития национальной культуры и литературы.

Если иметь в виду, что в те годы даже советское литературоведение переживало начальный этап формирования, более или менее успешных поисков и открытий, станет понятнее, насколько сложные проблемы вставали перед первым литературоведом-марксистом на континенте. С сегодняшнего уровня науки о литературе легко вскрывается целый ряд ошибочных суждений Х.К.Мариатеги, особенно проявившихся в конкретных оценках им многих виднейших писателей Западной Европы

^{I/} Por la senda de Mariátegui. Conclusiones y resoluciones del IV Congreso nacional del partido comunista peruano. Lima, 1962, p. 47.

и советской России. Следует учитывать также и тот факт, что работы Х.К.Мариатеги, как правило, носят полемический характер и имели своей целью прежде всего защиту генеральной линии, а не проникновение в детали отдельных явлений.

Позиция перуанского критика, несущая на себе печать эпохи не только в зарубежном марксистском литературоведении, не могла быть иной в условиях жесточайшей идеологической борьбы, грандиозных перемен, вызванных на всей земле победой Октября. Х.К.Мариатеги стремился быстрее осмыслить все наиболее новое, представительное и спешил поделиться своими наблюдениями, впечатлениями, выводами с широким читателем. Именно поэтому все без исключения публикации критика увидели свет сначала в периодических изданиях. Уже потом часть из них была издана в двух вышедших при жизни автора книгах^{1/}. Лишь в наши дни сыновья Х.К.Мариатеги сумели осуществить выпуск его Полного собрания сочинений в 20-ти томах.^{2/} Рассматривая наследие Х.К.Мариатеги, диссертант всегда имеет в виду его конкретно-историческое значение в контексте двадцатых годов. Тем не менее, важнейшие идеи перуанского критика сохранили свою актуальность и сегодня, о чем свидетельствует неослабевающий интерес к его трудам, ряд опубликованных в последние годы работ. Решения критиком проблем реализма, народности, партийности искусства и целого ряда других вопросов приобретают далеко не историческое значение, становятся отправными точками многих современных дискуссий на латиноамериканском континенте.

Нельзя не отметить, что до сих пор некоторые стороны, а порой и существо концепции Х.К.Мариатеги, по-настоящему материалистической и марксистской, излагаются многими зарубежными критиками в

^{1/} La escena contemporánea. Lima, 1925. Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana. Lima, 1928.

^{2/} José Carlos Mariátegui. Obras completas. v.v.1 - 20, Lima, 1959-1970.

намеренно искаженном или неверно понятом виде. Учитывая это, а также тот факт, что данная работа является одним из первых исследований, всецело сконцентрированных на литературно-критическом наследии Х.К.Мариатеги, диссертант счел необходимым ограничить себя двумя основными задачами. Первое – возможно более полно и объективно проанализировать литературоведческие воззрения перуанского мыслителя. Второе – сосредоточить особое внимание на центральной проблеме: вклад Х.К.Мариатеги в марксистское литературоведение на континенте и в разработку вопросов формирования национальной перуанской литературы во взаимосвязи с мировым художественным процессом.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются границы, задачи и проблематика исследования. Имеется около восьмидесяти книг, полностью или частично посвященных перуанскому мыслителю, более ста значительных статей в периодических изданиях. Объектом изучения в большинстве из них являются труды Х.К.Мариатеги по экономике, политике, социологии. При единодушной высокой оценке его роли и влияния как в своей стране, так и на континенте, авторы книг и статей очень далеки от единства во взглядах об основном содержании и идейной направленности его работ. Главная причина подобных разночтений кроется в стремлении ряда исследователей, стоящих на чуждых марксизму идеологических позициях, представить Х.К.Мариатеги в качестве союзника, укрепить свои концепции с помощью его авторитета.

Хотя у Х.К.Мариатеги вопросам литературы посвящено более трети всех работ, эта сторона его наследия до сих пор изучается совершенно недостаточно. Из указанного выше значительного количества рассматривающих труды Мариатеги исследований едва ли наберутся два

десятка, где первостепенное значение придается выяснению собственно эстетических, литературоведческих воззрений перуанского критика.

По значимости выделяются, прежде всего, марксистские исследования, не только давшие верную, объективную оценку трудов Х.К. Мариатеги, но и заложившие прочный фундамент для дальнейшего их изучения. Широко известны работы Х. дель Прадо, А. Дессау, А.Ф. Шульговского, С.И. Семенова, В.Н. Кутейщиковой, Ю.А. Зубрицкого, В.Г. Корионова. Внимательному анализу вклада Мариатеги в становление национальной перуанской культуры, в рождение марксистского литературоведения на континенте посвящено несколько статей этих авторов. В диссертации рассмотрены наиболее близкие к теме работы: "Роль Мариатеги в развитии национальной культуры Перу" В.Н. Кутейщиковой, "Мариатеги — основоположник марксистского литературоведения в Латинской Америке" А. Дессау, "Место Х.К. Мариатеги в формировании перуанской национальной культуры" С.И. Семенова, — вышедшие в изданиях, подготовленных Институтом Латинской Америки АН СССР.^{1/}

С другой стороны, имеются работы, извращающие существо, идеологическую направленность деятельности Х.К. Мариатеги. Особенно наглядно это отражается в неправомерном притязании сторонников апризма и христианского социализма считаться духовными наследниками перуанского мыслителя. Примером могут служить книги Е. Чанг Родригеса и Антонио Сан Кристобаля, вышедшие в 50–60-е годы.^{2/}

Выделяется еще и третья группа работ, достаточно серьезных и фундаментальных, но вместе с тем, эклектичных и объективистских, что ставит их в какое-то промежуточное положение. Как правило, они написаны людьми, выступающими от имени марксизма, и это обстоятель-

^{1/} См.: Хосе Карлос Мариатеги — пламенный борец за торжество идей марксизма-ленинизма в Латинской Америке. М., 1966; Перу: 150 лет независимости. М., 1971.

^{2/} E. Chang Rodríguez. La literatura política de González Prada, Mariátegui y Haya de la Torre. México, 1957. Antonio San Cristóbal. José Carlos Mariátegui. Lima, 1964.

ство обязывает нас с особой тщательностью и ответственностью рассматривать их суждения. На двух таких новейших исследованиях^{1/}, имеющих непосредственное отношение к теме, диссертант останавливается более подробно.

С наиболее интересными и полными биографиями Х.К.Мариатеги выступили три автора: Армандо Басан, Мария Виессе, Гильермо Руильон.^{2/} Диссертант, не обращаясь подробно к чисто биографическим сведениям, во введении концентрирует внимание на предлагаемой им периодизации творческого пути Х.К.Мариатеги. Если исходить из степени гражданской зрелости, эволюции идейно-политических и эстетических воззрений Мариатеги, в его деятельности можно выделить 4 этапа: первый - 1914-1918г.г., второй - 1918-1923г.г., третий - 1923-1928г.г., четвертый - 1928-1930г.г. Наиболее зрелыми и достаточно полно отражающими концепцию перуанского критика являются его работы последних двух этапов, которые и легли в основу исследования диссертанта.

Г л а в а I называется "Европейский литературный процесс в отражении Хосе Карлоса Мариатеги". Угол зрения, под которым Х.К. Мариатеги рассматривал явления художественной литературы, обусловил характерные особенности их изучения: широкий, экстенсивный охват литературного развития Западной Европы и советской России в первые десятилетия XX века; тесное сочетание наблюдений над факторами литературной жизни с изучением социально-экономической и политической ситуации на континенте.

Х.К.Мариатеги, концентрируя внимание на литературе, сумел проследить, как во взаимосвязи, в борьбе между собой то далеко отсто-

1/ Francisco Posada. Los orígenes del pensamiento marxista en Latinoamérica. La Habana, 1968. Yercó Moretic. José Carlos Mariátegui. Su vida e ideario. Su concepción del realismo. Chile, 1970.

2/ Bazan Armando. Mariátegui y su tiempo. Lima, 1969. Wiesse Maria. José Carlos Mariátegui. Etapas de su vida. Lima, 1959. Rouillon Guillermo. Bio-bibliografía de J.C. Mariátegui. Lima, 1963.

них, то близких по духу тенденций вырисовывались контуры нового, революционного искусства. Многовековая традиция, богатейшее наследие прошлого столетия не ушли бесследно в историю, а имеют живое продолжение в реализме нашего века. В своих работах критик показывает, что именно реализм, который обвиняли в академизме, в обветшалости, в ограниченности, способен выразить все многообразие современной жизни, именно реализм является действительно новым, революционным искусством.

Рассматривая с этих позиций современные ему авангардистские течения, Х.К.Мариатеги убеждается, насколько чуждо им подлинное сближение с жизнью, глубокое и всестороннее ее отражение. Одни из школ и течений оказались сжатыми формальными и тематическими рамками, которые сами же создали, другие бравировали маленькими открытиями, а все вместе они были лишены перспективы. Их новизна, их активность довольно быстро иссякали, зачастую превращаясь в свою противоположность.

Далеким от упрощенного понимания взаимоотношения формы и содержания, критик никогда не настаивал на уничижительном отношении к форме. Уже в те годы Х.К.Мариатеги хорошо представлял и учитывал в своих выводах тот факт, что не во всех родах и видах искусства роль формы одинакова. Например, ее значение в скульптуре, живописи, музыке гораздо больше и осязаемее, чем в литературе. Но во всех искусствах проявляется неразрывное единство формы и содержания. Модернизм не сам по себе обогатил современную литературу значительными новообразованиями. Они смогли получить законченное выражение, стать устойчивыми явлениями культуры, прежде всего, благодаря существованию реализма, сумевшего найти равновесие формы и содержания, их сближению и единению. И не через горнило модернизма, хотя имени

гие западные исследователи, прошли лучшие завоевания реализма девятнадцатого столетия, чтобы стать на качественно новую ступень реализма XX века. Они прошли через борьбу, через жесточайшее противостояние различных направлений, где реалистическое оказалось наиболее сильным, наиболее перспективным. Эстетические новации реализма нашего столетия, в определенной своей части, — трофей его победы.

В движении итальянских футуристов Х.К.Мариатеги обращает внимание не на их давнишние художественные изыскания, а на совершенно очевидный в 20-не годы поворот к политике. Укрепляя свою самобытность, Ф.Маринетти решил изобрести не только свою эстетическую, но и политическую платформу. Критик предсказывает неизбежность провала подобного рода попыток, потому что "невозможно ни на каком импровизированном собрании группы художников создать политическую доктрину. Политическая идеология творческой личности не может быть рождена на ассамблеях эстетов. Эта идеология должна отличаться полнотой жизни, энтузиазмом, человечностью, правдивостью, а не быть литературщиной, надуманным и ложным построением".^{1/}

Внимательно вглядываясь в итальянскую литературу, Х.К.Мариатеги верно улавливает сходство между футуризмом и д"аннунцианством. Маринетти и д"Аннунцио явились деятельными участниками создания того идеологического климата, который благоприятствовал распространению фашизма. Культ сверхчеловека, насилия и войны, несколько по-разному, но одинаково упорно возносимый поэтами, воспринимался неотделимо от фашистской пропаганды.

Из других современных ему итальянских писателей Х.К.Мариатеги не мог не выделить Луиджи Пиранделло как крупного, самобытного художника. Наиболее заметными в творчестве писателя он находит эле-

^{1/} J.C.Mariátegui. OC, v.VI, p.58.

менты фрейдизма и сюрреализма. По мнению критика, Пираделло принадлежит к тому миру, который "...бродит в поисках своего утраченного "я". Философский релятивизм, скептицизм, субъективизм этого мира получили в творчестве Пираделло наиболее сильное и эмоциональное выражение".^{1/}

Убежденный сторонник позитивных поисков, Х.К.Мариатеги не мог ограничиться лишь разоблачением упадочных явлений в буржуазном искусстве. Поэтому закономерно, что наиболее пристальное его внимание привлекает литературная жизнь другой западноевропейской страны - Франции, где в те годы получают талантливое художественное воплощение идеалы не только "сумеречной, разочарованной души", но и революционные устремления "утренней, очарованной души". Многоплановость французской литературы, в свою очередь, благоприятно скажется на расширении круга эстетических, литературно-теоретических проблем, поднимаемых в работах критика.

Прежде всего, исследователь резко отрицательно говорит о приверженцах так называемой "чистой" литературы. В эпоху, когда буржуазия перестала играть прогрессивную роль, лозунг подобных литераторов: "Любовь к истории, ненависть к идее!" - прямая апологетика господствующего класса. За ним кроется стремление уйти от жгучих проблем современности, подменить жизненные конфликты идеализацией прошлого. Более того, Х.К.Мариатеги сумел разоблачить другую, не афишируемую сторону этого лозунга - его антигуманность. От неверия в идею, в мышление, в способность человека создавать новые, более совершенные теории всего лишь один шаг до неверия в самого человека. Критик подчеркивает, что стоящий на указанных позициях писатель "старается отыскать в арсенале новейших психологических открытий такое оружие, которое служило бы ему для доказа-

^{1/} J.C.Mariátegui. OC, v.III, p.98.

тельства бессилия, противоречивости, ничтожности человека".^{1/} В качестве важнейшей опоры подобной литературы начинает использоваться психоанализ Фрейда, абсолютизируемый как магистральный путь постижения человеческой сущности. Под таким углом зрения критик рассматривает творчество Р.Радиге, М.Пруста, А.Жида. Новые приемы повествования этих писателей не могут быть безоговорочно поддержаны прежде всего потому, что за ними, как правило, консервативные идеи.

Модернисты любят акцентировать участие воображения, фантазии в художественном творчестве. Как известно, Х.К.Мариатеги очень высоко ценил роль художественного вымысла при создании произведений искусства. Многие ошибки натуралистов, поцулистов и т.п. критик выводил как раз из того, что они скатывались до плоского копирования, подчиняли свое воображение следованию внешним фактам действительности. Принципиальным в позиции Х.К.Мариатеги являлось то, что он связывал проблему фантазии с другими эстетическими и общефилософскими составляющими творческого процесса. Таким образом, сразу же проводится грань между вымыслом как самоцелью и воображением в реалистическом воспроизведении действительности. "Потому что, - указывает критик, - воображение не свободно. Оно предназначено, прежде всего, для открытия реального, а не чудесного. От фантазии, которая не приближает нас к действительности, мало проку. Философы, чтобы прийти к истине, прибегают к помощи ложных концепций. Писатель с той же целью использует вымысел. Фантазия обретает цену лишь тогда, когда она создает что-то реальное."^{2/}

Выводы Х.К.Мариатеги получают особенно наглядное подтверждение на примере одной из значительнейших модернистских школ - сюрреализма. Роковые заблуждения этого направления, которые, в конечном

^{1/} J.C.Mariategui. OC, v.V, p.p.119-120.

^{2/} J.C.Mariategui. OC, v.VI, p.23.

итоге, определили его реакционность, кроются не столько в увлечении воображением как первоосновой художественного творчества, а в идеализме и субъективизме его приверженцев. Однако был период, и этим прежде всего объясняется особый интерес перуанского критика к данному направлению /в диссертации подробно рассматривается изменение взглядов Х.К.Мариатеги на школу Бретона/, когда виднейшие сюрреалисты приняли марксизм. Последующая эволюция направления не могла не продемонстрировать несовместимость сюрреализма с коммунизмом. Сам Х.К.Мариатеги, умерший в 1930 году и не смогуший проследить всю траекторию сюрреалистического движения, уже во втором манифесте Бретона почувствовал предверие неизбежного разрыва.

Наряду с этим, Х.К.Мариатеги резко выступил против популизма и подобных ему течений в литературе, разоблачая необоснованность их притязаний на реалистическую традицию. Критик приходит к утверждению, что популизм всецело служит интересам буржуазии, обеспокоенной тем, чтобы на смену теряющим популярность психоанализу и утонченной литературе для избранных не допустить в широкие массы романы «русской революции». Фабрикуя поделки, которые "приближаются к народной жизни" и выдаются за следование традиции Золя, популизм старается вытеснить действительно народную, демократическую литературу. Являясь одним из первых выражений массового искусства потребительского общества, популизм отстаивает философский агностицизм и политический нейтралитет.

Настоящий революционер, Х.К.Мариатеги не отгораживался от прогрессивных тенденций, корни которых естественно и необходимо кроются в прошлом. Он видел и приветствовал ту живую линию перехода лучших традиций реализма девятнадцатого столетия в наш век, которая в Западной Европе для него воплощалась А.Франсом, Р.Ролланом, Б.Шоу. При этом перуанский критик особенно выделял Роллана

за жизнелюбие, за "очарованную, утреннюю душу". Указывая на созвучность мыслей Роллана с идеалами передовой латиноамериканской интеллигенции, Х.К.Мариатеги говорит: "Мы никогда не смешивали чистое, проникнутое вечными идеалами и высоким гуманизмом, представляющее собой непреходящую ценность искусство Ромена Роллана с болезненным искусством литераторов конца века — бледным закатом целой эпохи."¹ Критик обращает внимание на интернационализм писателя, его революционную позицию во время первой мировой войны. Являясь, вопреки утверждению реакционной критики, глубоко национальными, его романы поднимают общечеловеческие вопросы. Именно в этом русле, как считал исследователь, должно было идти развитие и перуанской литературы.

Наиболее близкой для Х.К.Мариатеги по идейной и творческой направленности была позиция Анри Барбюса и его группы "Кларте". Критик принимает эту группу как одно из направлений деятельности коммунистической партии, видит в "Кларте" тот ее отряд, который занимается проблемами революции в области культуры. При этом к революционным художникам Х.К.Мариатеги подходил с особо строгой мерой художественных достоинств их творчества. Он осуждал тех писателей, которые, видя в произведении оружие борьбы, не заботились о действительно литературном воплощении своих идей. Критик неизменно подчеркивал, что "тем ценнее и полезнее делу революции художники и мастера слова, чем выше они как художники и мастера".²

Молодая советская литература, давшая прекрасные образцы революционного искусства, становится предметом самого пристального внимания критика-марксиста. Нельзя не отметить, что чрезвычайно плодотворной оказалась ориентация исследователя на изучение ее в контексте всемирной прогрессивной литературы. Статьи по советской

¹/ J. C. Mariátegui. OC, v. III, p. 132.

²/ J. C. Mariátegui. OC, v. III, p. 200.

поэзии и прозе как бы венчают целый ряд работ Х.К.Мариатеги, первоочередная задача которых – выяснение генезиса, специфики, художественного метода литературы, идущей в авангарде мирового литературного процесса.

В своих работах критик называет около тридцати советских авторов, а отдельные статьи посвящает М.Горькому, А.Блоку, С.Есенину, Л.Леонову, Л.Сейфуллиной, К.Федину, Ф.Гладкову, А.Фадееву, Л.Рейснер, В.Огневу. Суммируя свои наблюдения над советской литературой первых послереволюционных лет, над проблемой связи искусства с жизнью а также над творчеством отдельных художников, разделивших с народом его революционную судьбу или оказавшихся в эмиграции, Х.К.Мариатеги приходит к выводу: "...никакая литература не может существовать и развиваться, не имея корней в живом обществе, в народе. Единственно возможной литературой является та, которая, одобряя ее или критикуя, все же питается новой русской действительностью."^{1/}

Литература, рожденная борьбой пролетариата, видит окружающую жизнь глазами победившего класса. Это ей удастся потому, что она росла вместе с революцией, вместе с ней устремлена в будущее, умеет видеть действительность в диалектическом развитии. Эта литература не идеализирует, не романтизирует настоящее, и в то же время, никогда не изменяя реальной логике развития событий, она смело берет на вооружение фантазию, помогающую ей глубже проникнуть в существо описываемых явлений. Основное достоинство таких произведений как "Цемент" Ф.Гладкова заключается в том, что они написаны партийным художником, что в них на первом плане изображены не те, кого революционная буря сметала на своем пути, кто прятался от нее и переживал, а совершающие революцию люди. "В "Цементе", – подчер-

^{1/} J.C.Mariátegui. OC, v.VI, p.159.

живает Х.К.Мариатеги, — герои, обстановка, сама атмосфера взяты из существеннейших глубин революции, прочувствованной и описанной изнутри.^{1/} Таким образом, при характеристике романа Ф.Гладкова перуанский критик считает возможным использовать уже новый, более близкий нам термин — "пролетарский реализм", подразумевая под ним основной метод художественного освоения действительности классовым партийным искусством эпохи пролетарских революций. Борьба за такое искусство у себя на родине являлась одним из важнейших аспектов деятельности выдающегося марксиста.

Г л а в а II — "Хосе Карлос Мариатеги и проблемы становления национальной перуанской литературы". К изучению латиноамериканской литературы вообще и перуанской в частности Х.К.Мариатеги подходил с теми же идеологическими и эстетическими критериями, что и при рассмотрении европейской. Благодаря прежде всего этому, он сумел выдвинуть действительно научную, глубокую, лишенную ложнопатриотических и узкорегionalистских рамок концепцию родной литературы.

Социалистическая революция стимулировала творческие поиски советских писателей. Мексиканскую революцию Х.К.Мариатеги расценивает как начальное, пока еще ограниченное, проявление творческой потенции латиноамериканцев: "Народ, который первым совершил революцию, является пионером и в создании искусства, литературы, школы. Пусть себе посмеиваются те, кто считает литературу независимой от политики, времени и пространства — творческое вдохновение едино."^{2/} Перуанский народ только вступал на путь социальной борьбы, и Мариатеги считал своим долгом сделать все возможное, чтобы шире распространить политический и художественный опыт обеих революций.

Можно сказать, что Х.К.Мариатеги выделял две узловые проблемы, имеющие принципиальное значение для литературы его страны: испано-

^{1/} J.C.Mariátegui. OC, v. III, p. 169.

^{2/} J.C.Mariátegui. OC, v. XII, p. 85.

-индейский дуализм и перуанская нация; соотношение национального и интернационального. Отвергая различного рода расовые теории, критик убедительно доказывает, что перуанец — явление социальное, сложившееся в результате конквисты и включающее в качестве равноправных составляющих различные этнические группы. Такое решение этой важнейшей для страны проблемы не только лишило привилегированного положения креолов и метисов, но и выдвигало на первый план вопрос об естественном включении индейцев в жизнь Перу.

Х.К.Мариатеги еще и еще раз проводит мысль о диалектическом единстве, важности и необходимости учета всех компонентов, всех сторон как внутриперуанской, так и всемирной действительности. Обособить Перу, изолировать его от социально-экономического и культурного развития передовых стран — значит, в конечном итоге, стремиться оставить его в стороне от мирового движения к социализму. Критик совершенно справедливо подмечает, что сторонники пресловутой теории "чисто национального" далеко не последовательны в отрицании иностранных образцов и "отвергают лишь те заимствования, которые противоречат их консервативным интересам".^{I/} Они призывают к какому-то перуанизму, которому сами не в силах дать определение.

Указанные идеи Х.К.Мариатеги, заметно стимулировавшие обновление во всех сферах национальной жизни, особенно плодотворно сказываются на развитии литературы и искусства. Изучая западную культуру, критик пришел к выводу, что расцвет национальных литератур Европы совпал с политическим утверждением идеи национальности, что при этом чрезвычайно важную роль сыграл предшествующий длительный период, который подготовил этот расцвет. Именно благодаря историческому подходу и марксистским критериям оценки литературного развития Перу, Х.К.Мариатеги удалось выявить ростки национальной

^{I/} J.C.Mariátegui. OC, v.XI, p.26.

литературы в прошлом, увидеть ее дальнейшее развитие в настоящем и уверенно предсказать ее характер в будущем, когда произойдет окончательное оформление перуанской нации. "Способность понять прошлое, — подчеркивает он, — имеет прямую связь со способностью чувствовать настоящее и заботиться о будущем. Наш современник — это человек, не только преуспевший в реконструкции того, что было, но и далеко шагнувший в предвидении того, что будет."^{1/}

Центральной литературоведческой работой Х.К.Мариатеги, вобравшей в себя его лучшие исследования в области перуанской прозы и поэзии, является очерк "Процесс над литературой".^{2/} Как сразу же уточняет автор, слово процесс используется здесь в юридическом смысле. Современники судят прошлое и, вполне очевидно, они выступают на процессе судьями, защитниками, обвинителями и т.д., только не подсудимыми. Мариатеги подключается к уже начавшемуся процессу, недвусмысленно определяя свою позицию на нем: "Мне кажется, что на этом процессе до сих пор заслушивались, почти исключительно, показания защиты. Пора заслушать также и показания обвинения. Говорю искренне и твердо, что я выступаю с предвзятыми показаниями."^{3/} В данном очерке действительно революционная тенденциозность критика принесет наилучшие плоды: свидетель обвинения, не защиты прошлого, пафосом своей работы он делает все же не отрицание, а утверждение. Гибкость мысли, оригинальность сопоставлений и широта охвата материала обеспечили ему возможность выделить в прошлом те прогрессивные явления, которые свидетели защиты стремились потопить в господствующей массе консервативного и реакционного.

Для характеристики наиболее общих черт истории перуанской литературы и ее современного этапа Х.К.Мариатеги выдвигает свою

^{1/} J.C.Mariátegui. OC, v.XI, p.23.

^{2/} J.C.Mariátegui "El proceso de la literatura". En Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana. OC, v.II.

^{3/} Ibid., p.229.

оригинальную концепцию, ставшую одной из методологических основ очерка. Его построение, являясь, как на это указывает автор, только литературным, не социологическим, тем не менее, могло родиться лишь благодаря тщательному изучению социально-политической структуры общества, весьма тесно соотносящейся с расслоением литературно-критических сил, а значительно более опосредованно — и литературно-художественных. Следует иметь в виду, что, предлагая свое, необычное деление, критик далек от отрицания установившихся в литературоведении классификаций. Мариатеги использует его как рабочую гипотезу, помогающую глубже раскрыть своеобразие литературы Перу. По своему же существу, о чем можно судить не только по данному очерку перуанского критика, эта литература мыслилась им реалистической и народной, ибо рассмотренный опыт мирового развития утверждал победу именно этого направления.

Существо предложенной Х.К.Мариатеги концепции заключается в выделении трех этапов в развитии литературы его страны: колониального, космополитического, национального. Такая последовательность и само название этапов раскрывают эволюцию перуанской литературы в диахронном плане, дают своеобразную периодизацию по характеру ее определяющих черт, ее зрелости. Однако особая ценность указанного деления определяется еще и тем, что критик, как считает диссертант, применяет его также и в синхронном плане. В этом случае уже имеются в виду не исторические периоды, а тенденции. Нацеленный на решение проблем национальной литературы 20-ых годов, в своем очерке автор занят прежде всего рассмотрением трех тенденций, трех течений в перуанской литературе последних десятилетий и лишь в связи с этим уделяет некоторое внимание характеристике ее периодов в хронологической последовательности, начиная со времен колонизации.

Насколько известно, до прихода испанцев на земле инков существовало лишь устное народное творчество культового и светского содержания. Современная письменность на языке кечуа — явление недавнее, созданное на основе латинского алфавита. Поэтому испанский был единственной языковой основой для развития перуанской литературы. На колониальном этапе перуанская словесность сделала совсем немного в направлении обретения ее специфических, перуанских черт. У Мариатеги есть все основания утверждать, что чуть ли не единственной фигурой всего периода, достойной особого выделения, является Инка Гарсиласо де ла Вега /1539-1615/. Этот писатель и историк, а также известный сатирик XVII столетия Хуан дель Валье-и-Кавьедес /1653?-1692/ заложили основы действительно перуанской литературы, концентрирующей свое внимание на местных событиях, жизни индейцев и креолов.

Посредственность литературы указанной эпохи, а именно такую общую характеристику дает ей Х.К.Мариатеги, со всей очевидностью выражается в том, что в последующие годы не было создано ни одного оригинального произведения. "Слабость, малокровие, вялость нашей литературы периода колониальной зависимости, — поясняет критик, — проистекает из отсутствия у нее корней. Искусство испытывает необходимость подкрепления жизненной силой традиции, истории, народа. А в Перу литература не была детищем традиции, истории, индейского народа. Она родилась в результате импорта испанской литературы, в дальнейшем кормилась подражаниями этой литературе. Большая пууповина продолжала связывать ее с метрополией."¹

Война за независимость и провозглашение Республики оборвали эту изжившую себя связку. Однако гибель Колонии вовсе не повлекла за собой окончания колониального этапа перуанской литературы. Глав-

¹ / J.C.Mariátegui. OC, v.II, p.241.

ним содержанием поэзии и прозы, отражавших интересы креольской аристократии, становится прославление эпизодов, героев Конкисты и Колонии, а следовательно, самого дряхлого, самого реакционного испанизма. Колониалистская литература как бы вступает в новую, совершенно самостоятельную жизнь: она опирается на прошлое, располагает определенной традицией, историей, и на самом деле имеющими отношение к перуанской почве. В этом русле пишут Клементе Альтхаус /1835-1881/, Карлос Аугусто Салаверри /1830-1891/, Луис Бенхамин Сиснерос /1837-1904/, Фелипе Пардо-и-Альяга /1806-1868/. "Весь запал его сатиры /кстати, еще и довольно посредственной/, - пишет Мариатеги о последнем, которого колониалистская критика пыталась представить как предвестника утверждения идеи перуанизма в литературе, - проистекает из дурного настроения коррехидора-энкомендеро, которого революция приравняла, если не на практике, то хотя бы теоретически, к метисам и индейцам. Корни его издевки кроются в кастовом инстинкте. При расстановке своих акцентов Пардо-и-Альяга поступает не как перуанец, а как человек, чувствующий себя испанцем в стране, завоеванной Испанией для потомков своих капитанов и бакалавров."¹ После вступления перуанской литературы в космополитический этап, колониальная тенденция, вынужденная сдать свои ведущие позиции, довольно долго еще сохранялась как в художественной практике /Хосе Сантос Чокано /1875-1934/, так и в критике /Рива Агуэро /1885-1944/ и его группа/.

Начало космополитического^ж этапа относится к последнему деся-

¹ I/ J.C. Mariátegui. OC, v. II, p. 240.

^ж Слово "космополитизм" в приложении Х.К. Мариатеги к указанным тенденции и этапу перуанской литературы, прежде всего, лишено хотя бы малейшего негативного оттенка, который ему придается в нашем современном понимании. Здесь определяющий пафос "космополитизма" - антииспанизм, антиколониализм, поиски новых, самостоятельных путей перуанской литературы.

тилетию XIX века и связано с деятельностью Мануэля Гонсалеса Прады/1848-1918/. "Мы уже видели, - отмечает Х.К.Мариатеги, - что до Гонсалеса Прады перуанское в нашей литературе было еще вовсе не перуанским, а лишь колониальным. Автор "Свободных страниц" выступает как носитель западного духа и европейской культуры. Так почему же перед лицом еще не сложившегося, не оформившегося перуанизма мы должны считать его наименее перуанским писателем из всех кто пытается этот перуанизм выразить. ...Ведь прежде всего по причине своего наименьшего испанизма, отсутствия колониального духа, творчество Прады утверждает возможность существования перуанской литературы. Это освобождение от метрополии, разрыв с вице-королевством."¹/ Критик особенно выделяет в Праде то, что сам неизменно ставил во главу угла своей деятельности: внимательное отношение к заботам простого человека, к его жизни, языку. Если резюмировать, Прада отверг испанское, обратился к европейскому и, что чрезвычайно важно, реабилитировал индейское. Заметнейшей вехой космополитического этапа стало движение "Колонида", возглавлявшееся Абрахамом Вальделомаром/1888-1919/. Под флагом "Колониды" /так назывался и журнал, несколько номеров которого вышло в 1916 году/ объединилась довольно значительная группа молодых литераторов, которые подхватили иконоборческий дух Г.Прады, продолжили восстание против колониализма, против академических авторитетов.

Х.К.Мариатеги, объективно оценивая литературную ситуацию во время написания очерка, пришел к убеждению, что космополитический этап не только положил конец колониальному, но и почти окончательно искоренил даже самую колониальную тенденцию из перуанской поэзии и прозы. Хотя литература еще не вступила в национальный этап, его важнейшие черты критик уже мог определить на основе изучения евро-

¹/ J.C.Mariátegui. OC, v.II, p.p.254-255.

пейского реализма, национальной тенденции, первые проявления которой восходят к началам словесности в Перу. Поэтому у Х.К.Мариатеги были все основания уверенно говорить не о двух, а обо всех трех этапах перуанской литературы: колониальном, космополитическом и национальном. В конце главы диссертант как раз и останавливается на характеристике некоторых явлений литературы периода независимости, наиболее убедительно олицетворяющих национальную тенденцию.

На заре Республики промелькнула самобитная поэзия Мариано Мельгара/1791-1815/, который в своих песнях сумел в какой-то степени выразить чувства перуанских индейцев, немного приоткрыть их душу. Мельгар не боялся просторечия, заимствовал народные образы и неизвестные до него в литературе метафоры, имеющие народное происхождение. Также к провинциальной тематике обращался в своем творчестве Абельардо Гамарра/1857-1924/ по прозвищу Эль Тунанте. Важнейшим достоинством произведений писателя Х.К.Мариатеги считает народность языка: "Эль Тунанте стремился сделать художественным язык улицы. Он не ошибся в выборе направления усилий. На этом пути завоевали бессмертие классики начальных периодов всех литератур"^{1/} Принципиально отличается от ранее установившейся оценка Х.К.Мариатеги и творчества такого выдающегося писателя как Рикардо Пальма/1833-1919/. Опровергнув утверждение о традиционализме и консерватизме писателя, критик убедительно показывает, что он представлял интересы не креольской аристократии, а среднего, более демократичного сословия. И в этом смысле Пальма, как и Прада, принадлежит единому Перу, идея которого начинала выкристаллизовываться не только в общественной мысли, но и в литературе.

С наибольшей убедительностью национальная тенденция проявилась

^{1/} J.C.Mariátegui. OC, v.II, p.270.

в творчестве всемирно известного поэта Сесара Вальехо/1892-1938/ и в так называемой индихенистской прозе. Критик считает Вальехо оригинальным поэтом племени, расы. "Чувства индейца, - поясняет Х.К.Мариатеги, - выражены у него средствами, присущими только Вальехо, его голос не похож ни на чей другой. Настоящему поэту недостаточно раскрыть что-то новое, он должен преподнести это новой техникой, новым языком. Его поэзия не терпит сомнительного и искусственного дуализма содержания и формы. ...У Мельгара восприятие мира индейцами лишь смутно вырисовывается в подтексте его поэзии; у Вальехо оно полностью подчиняет себе весь стих, меняя его структуру. Для Мельгара оно лишь нюанс, для Вальехо - сама суть."^{1/}

Индихенистская проза, в последующие десятилетия ставшая важнейшим течением перуанской литературы, стремилась к реалистическому изображению жизни индейцев, ранее скрытой под покровом экзотики, красочных обрядов и обычаев. Это течение знаменует собой первую масштабную попытку художественного осмысления национальной действительности, ее самой бедной, заброшенной стороны. За это взялись "европеизированные креолы", чтобы положить начало. И по-настоящему веристское изображение индейца, как считает критик, смогут дать не креолы, даже наиболее дружелюбно к нему расположенные, а сами индейцы, достигшие необходимого уровня образования и культуры через включение в революционную борьбу. Х.К.Мариатеги всегда оставался верен идее, что "истинно национальное в любой литературе - это и наиболее революционное".^{2/}

З а к л ю ч е н и е диссертант посвящает краткому сопоставлению концепции Х.К.Мариатеги с современными спорами о путях развития латиноамериканской литературы. Плодотворность идей перуанского критика сказалась прежде всего в том явлении, что виднейшие моло-

^{1/} J.C.Mariátegui. OC, v.II, p.308.

^{2/} J.C.Mariátegui. OC, v.XI, p.76.

дне романисты, вступившие в литературу после второй мировой войны, в национальных реалиях ищут не столько специфические черты, выделяющие их страны в современном мире, сколько черты всеобщности, всечеловечности. В философских и литературоведческих работах именно этого периода "универсализм" /от испанского слова "мир", "все-ленная"/ становится гораздо популярнее "национализма".

Нет ничего удивительного в том, что второпях, нарушая имевшие место в Европе пропорции и последовательность школ, течений, направлений, латиноамериканские писатели допускают немало ошибок. По точному определению В.Н.Кутейшиковой, проявления неоавангардистских течений в прозе континента можно расценивать как своего рода "издержки" в ходе "наверстывания" ею своей художественной отсталости.^{1/} Рядом с этим имеется целый ряд примеров, когда латиноамериканцы сумели решительно трансформировать европейские влияния, создав новые, оригинальные течения. Возьмем хотя бы освоение европейского сюрреализма создателями "магического реализма" Алехо Карпентьером и Мигелем Анхелем Астуриасом. Так оказалась найденной одна из составляющих формулы латиноамериканской литературы, поиски которой ведутся писателями и критиками континента.^{2/}

По-прежнему актуальна мысль Х.К.Мариатеги о том, что к собственной оригинальности можно прийти не через замыкание в себе, а через творческое освоение опыта мирового искусства, приложение его к национальным условиям. Только на этом пути возможны настоящие открытия. Поэтому и поиски формулы латиноамериканской литературы, сами по себе нужные и в высшей степени важные для нее, не должны вестись в каком-то одном направлении, то ли в сторону изоляциониз-

^{1/} См. В.Кутейшикова "Новые тенденции в романе Латинской Америки 50-60-ых годов". В сб. Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950-60г.г. М., 1972.

^{2/} См. И.А.Тертерян "В поисках формулы. Споры о путях латиноамериканского романа". "Вопросы литературы", 1974, №1.

ма, то ли космополитизма. Обращение к наследию Х.К.Мариатеги в значительной степени помогло бы латиноамериканским исследователям избегать ошибочных, экстремальных суждений, упрощенных решений.

Анри Барбюс прекрасно и точно сказал о перуанском мыслителе: "Вы не представляете, кто такой Мариатеги? Тогда знайте - это светоч новой Америки, образец нового американского человека."^{1/} И новое, революционное поколение континента всегда будет видеть его в своих рядах.

+
+
+

По основным проблемам диссертации опубликованы следующие работы:

1. "Лицом к современности." В сб. Современные прозаики Латинской Америки. Вып. I. Институт Латинской Америки АН СССР. М., 1972. I п.л.
2. "Моретич Йерко. Процесс реализма у Мариатеги." РЖ. Серия 7. Литературоведение. 1974, № 3. 0,3 п.л.
3. "Хосе Карлос Мариатеги о советской литературе." В кн. Культура Перу. "Наука", 1975. 0,6 п.л.
4. "У истоков современной городской прозы Перу /Х.К.Мариатеги - С.С.Бонди/." В сб. Современные прозаики Латинской Америки. Вып. II. Институт Латинской Америки АН СССР. М., 1975. I п.л.

^{1/} "La Crónica". Lima, 15 de abril de 1955, p.14.